

Сегодня
исполняется
80 лет со дня
рождения
великого
советского поэта
В. В. Маяковского

БЕССМЕРТИЕ

Маяковский огромен. Его поэзия вместила в себя время величайших революций, вобрала новые идеи и ритмы, выразила их словом живым и страстным. Он с правом участника и летописца мог сказать: «Это было с бояцами, или страной, или в сердце было в моем». О чем бы он ни писал, вот эти три единства давали такой прочный поэтический сплав, в котором была и бойцовская сила, и эпический размах, и лирическая наполненность. Поэт находил слова глубинные, давно забытые, и своим поэтическим прикосновением оживлял их, и они являли свою скрытую энергию и воспринимались откровением.

«О, четырежды славься, благословенная!» — этим восклицанием он венчал революцию на бессмертие, ибо в ней «днесь небывалой сбывается былью социальная великая ересь». Революция разрушала трагическую обреченность человека, возвращая ему ощущение собственного достоинства и красоты.

«И он, свободный, ору о том, я, человек придет он, — верьте мне, верьте», — писал поэт. Когда зарева революционных бурь возвестила миру о начале новой эры, поэзия Маяковского обрела второе дыхание. Вселенский гул ошутим в поэме «150 000 000» и в пьесе «Мистерия-буфф». Зато поэма о десятилетиях Республики Советов «Хорошо!» полна лирического

воодушевления. Весь ее пафос продиктован любовью к тем, кто «вынырнул» «землю молодости» и теперь мог сказать словами поэта: «Этот день воспевайте никого не найдем; мы распели карандаш на листе, чтобы шестелетний, как шестелет знамен, надо лбами годов шестелет».

Поэт-гражданин возлагал на себя ответственность за все, что происходило на земле. Он радовался вместе со строителями Кузнецка, страдал вместе с негром из Гаваны и парижанкой из ресторана «Гранд-Шомьер». Маяковский чувствовал себя «в долгу перед бродячей лампочкой, перед вами, богдядские небеса, перед Красной Армией, перед вишнями Японии — перед всем, про что не успел написать».

Поэмы «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Про это» прославили имя Маяковского, а поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос» — его бессмертия.

Сегодня, мечтая о будущем, мы можем входить в эту мечту с поэзией Владимира Владимировича Маяковского:

Я меряю по коммуне стихов сорта!
в коммуна душа потому влюблена,
что коммуна, по-моему, — огромная высота,
что коммуна, по-моему, — глубочайшая глубина.

ХОЧЕТСЯ ОТМЕТИТЬ ЕГО РЕДКОЕ БЛАГОРОДСТВО

Как известно, А. С. Пушкин не окончил повесть «Египетские ночи», и опубликована она была уже после смерти автора.

И вдруг, в 1916 году, Валерий Яковлевич Брюсов, уже широко известный, почти знаменитый русский поэт-символист в альманахе «Стремнины» напечатал свое, брюсовское, окончание пушкинской повести.

Это не прошло мимо внимания Маяковского.

Еще Гоголь сказал, что Пушкин, уйдя, не оставил к себе лестницы.

И 15 декабря 1916 г. в журнале «Новый Сатирикон» № 51 появилась эпиграмма Маяковского:

«В. Я. Брюсову на память.

Разбой след затеря прочно
во тьме египетских ночей.
Проверив рукопись построчно,
гроши отсыпал казначей.
Бояться Вам рожна какого?
Что
против — Пушкину иметь?

Его кулак
навеки закован
в спокойную к обиде медь!

Кстати, при жизни В. В. Маяковского была весьма широко распространена нелепая выдумка недоброжелателей поэта о том, будто он терпеть не может Пушкина, хотя в своем творчестве Маяковский более сотни раз обращается прямо к Пушкину, десятки раз к его произведениям, а в публичных выступлениях не без гордости говорит о том, что знает наизусть всего «Евгения Онегина».

Где же тут нелюбовь к Пушкину?

В день 80-летия В. В. Маяковского мне хочется отметить редкое благородство его характера, которое он пронес через всю свою жизнь и которое ярко проступает во всем его творчестве.

Это благородство выражается в необыкновенной искренности, прямолинейности, тонком чувстве справедливости, подлинном советском патриотизме, неспособности быть равнодушным к подлости и пошлости, нетерпимости к ошибкам и недостаткам, оно в умении быстро и наступательно, обязательно с партийных позиций, откликаться на международные и внутренние события и факты.

Ему до всего было дело, он смело и дерзко ввязывался в бой, невзирая на ранги и авторитеты противников или друзей. Всякая неправда, ложь и фальшь причиняли ему боль. Если он был убежден, что защищает правое дело, то шел напролом и дрался до последнего.

Генерал-лейтенант инженер запаса Р. ТЕРСКИЙ.

Его стихи — это страсть и пламя...

О Маяковском-драматурге рассказывает корреспонденту АПН главный режиссер Театра сатиры, народный артист РСФСР В. Плучек

Он написал пьесы, сатирические образы которых бьют прямо в цель, по тем явлениям, которые, внешне видоизменившись, пока еще не исчезли из нашего быта. Особенность сатирической пьесы, основы эстетики которой заложил Маяковский, — отрицая темные явления действительности во имя утверждения коммунистической нравственности, новой морали, которую он яростно защищает.

Драматургия Маяковского требует творческого, активного подхода к его пьесам. Не только современный театр, но и театр будущего увидит в пьесах поэта интереснейшие новации, способные увлечь и постановщиков, и актеров.

Для других театров представлять не важно: для них сцена — замочная скважина. Сиди, мол, смиренно, прямо или наискосок и смотри чужой жизни кусочек.

Смотришь и видишь — гнущат на диване тети Мани да дяди Вани.

А нас не интересуют ни дяди, ни тети, — тетя и дядя и дома найдете.

Мы тоже покажем настоящую жизнь, но она в зрелище необычайнейшее театром превращена.

Как характерна эта превосходная степень для

«ВЫШЕ ГОРДЫХ ГОЛОВ ГРЯДА!»

При открытии Московского восьмого международного кинофестиваля народный артист СССР кинорежиссер Сергей Юткевич сказал, что «Владимир Маяковский недаром считал кино новаторским искусством. И мне кажется знаменательным, что 80-летие поэта совпало с праздничными днями фестиваля. Он словно на равных с нами принимает участие в смотре киноискусства мира».

«Близилась весна 1918 года, первая советская весна.

Маяковский, которому шел двадцатый пятый год, бывая в Москве, выступал с чтением своих стихов на подмостках «Кафе поэтов». Одно выступление поэта дало толчок к его появлению на экране. Представ перед посетителями кафе, он однажды сказал:

— Я никогда никому не завидовал, но хотел бы играть в кино.

Желание поэта было услышано и осуществилось.

Владельцы киноателье «Нептун» предложили Владимиру Владимировичу написать сценарий и сыграть в фильме главную роль. Это было почти за два года до национализации кинематографии.

Маяковский стремился сделать фильм, не похожие на те, что делались по тогдашнему шаблону. Он откликнулся на приглашение фирмы «Нептун» и весной того же года приступил к увлекательной работе: писал сценарий, играл сам, рисовал декорации и плакаты к фильмам.

Для дебюта на экране поэт инсценировал роман Джека Лондона «Мартин Иден», перенес все действие на русскую почву.

Маяковский назвал героя Иван Нова. Фильм вышел под названием «Не для денег родившийся».

В рецензии на фильм Виктор Шкловский писал:

«Поэт из народа, Иван Нова случайно спасает на улице какого-то молодого человека. Тот знакомит его со своей сестрой, вводит в общество. Поэт проплавился, но его не любят. Он хочет покончить с собой, играет с револьвером. Потом надевает свой цилиндр на скелет, почему-то стоящий в его комнате, и уходит по дороге, бездомный и свободный, как Чаплин, который тогда не снимал таких лент».

В этом фильме были показаны друзья Ивана Нова — футуристы. Маяковский включил в фильм сцену в «Кафе поэтов».

По ходу действия поэты читали свои стихи посетителям кафе. Но кинематограф еще был немой. Придумали такой ход: на досках поэты писали несколько строк из своих стихов. Но во время кино съемки поэт Василий Каменский написал мелом, крупно, на всю доску: ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ.

НЕ ДЛЯ ДЕНЕГ РОДИВШИЙСЯ

ИВАН НОВА
ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОЭТ ФУТУРИСТ
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Маяковский сам рисовал декорации и плакаты к своим фильмам. Поэт сфотографировался для плаката, который затем нарисовал. На нем изображены деньги: это «неренки».

С этой надписью фильм вышел на экран. Переснимать, затрачивать дефицитную киноленту не разрешалось. Каждый метр был на строгом учете.

Затем Владимир Маяковский, он же Мартин Иден, превращенный в Ивана Нова, стоя перед стрекочущей камерой, читал и писал на доске свои стихи:

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов грядет!
Мы разливом второго потопта
Перемоим миров города...

Снимавшиеся с Владимиром Владимировичем актеры и поэты рассказывали, что к своей работе в кино он относился серьезно, был требователен к себе и другим.

В письмах поэта, написанных им в ту памятную киносъемку, встречаются строки, посвященные работе над фильмом: «Кинематографички говорят, что я для них небывалый артист. Соблазняют речами, славой и деньгами». «Единственное развлечение — играю в кинемато. Сам написал сценарий. Роль главная». «Еще одна выдержка из письма: «Картину кино кино. Еду сейчас измерять в павильоне фреиховские штаны. В последнем акте я денди...»

«К Ивану Нову явились слава, признание, деньги. Понадобился шикарный костюм, пальто, цилиндр. Все это одолжил Маяковскому артист Олег Фрелих, исполнявший роли салонных или так называемых франчных героев. Они были одинакового роста.

Однажды во время съемок инсценировки «Мартин Иден» произошел замечательный эпизод. Предстояло снять сцену в ложе театра. Ее должны были разыграть Иван Нова и девушка, в которую он влюблен (ее роль исполняла Маргарита Кибальнич).

По сценарию Маяковскому надлежало поцеловать девушку. Бывшая на съемке хозяйка ателье побоялась, что любовная сцена у него не получится. Все же не настоящий актер. Увидев стоящего в стороне Фрелиха, она попросила его показать исполнителю роли Ивана Нова, как провести сцену с поцелуем.

Маяковский метнул выразительный взгляд на хозяйку.

Фрелих поспешил отказаться от такого «задания», отговорившись тем, что каждый мужчина это делает по-своему.

— Любовную сцену Маяковский провел без натяжки, по-человечески просто. Наша хозяйка была удивлена той легкостью, с какой он сыграл ее, — сказал мне Фрелих.

«Торжественный просмотр фильма состоялся в кино «Модерн» (ныне «Метрополь») в Москве. Среди приглашенных находился нарком просвещения А. В. Луначарский.

В зале погас свет, и на экране вспыхнула надпись:

«НЕ ДЛЯ ДЕНЕГ РОДИВШИЙСЯ»
Инсценировка романа Джека Лондона
«МАРТИН ИДЕН»
в понимании Маяковского.

Картина всем понравилась, кроме самого Маяковского. Он горючил, что ему не удалось полностью победить режиссера Н. Туркина и показать на экране то, что он замыслил.

К сожалению, этот фильм не обнаружен. Известно, что он насчитывал 1920 метров и закончен был производством в апреле.

Под знаком кино прошла весна Маяковского в тысяча девятьсот восемнадцатом году.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ,
лауреат Государственной премии СССР.

ПОЭТ В «МОСКОВСКОМ КОМСОМОЛЬЦЕ»

Кто нынче не знает чужие строки из «Марша комсомольца» Владимира Маяковского!

Комсомолец — К ноге ног!
Плечо к плечу! Марш!

Товарищ, тверже шагай.
Марш греми наш!
Пусть их скулит дядька! —
Наши ряды юны.
Мы, наверно, войдем

в самый полдень коммуны.
Под заглавием «Комсомолец» первая редакция марша была опубликована 16 апреля 1923 года в московской молодежной газете «Юношеская правда».

После этого стихотворение поместили и журнал «Красная нива» и ряд областных газет.

К 10-летию свержения царского самодержавия поэт написал «сатирическое

стихотворение «Корона и кепка», в котором проводил молодежи по комнатам «ревмусея» и популярно объяснял, что есть «престол отечества», «трон», «бразды правления».

12 марта 1927 года стихотворение было напечатано в газете «Молодой ленинец» [одно из названий «Московского комсомолец»].

А. ЛУНАЧАРСКИЙ ...И КАЖДАЯ СТРОКА НА ВЕС ЗОЛОТА

Из статьи «В. В. Маяковский — новатор»

РИТМ Маяковского — это ритм спора, ритм ораторского общения, ритм промышленных шумов, промышленных производственных ритмов и ритм марша.

Конечно, с точки зрения выпяченного человека, который думает, что он живет в мире страшно божественном, а на самом деле не выходит из своего собственного ватерклозета, представляется, что подобные ритмы разрушают интимность, замкнуто, сердечность, сосредоточенность.

Ну что же это такое? Ну, куда же нас привели? Это же базар! — и он не понимает, что это вовсе не базар, а великий человеческий творческий мир, настоящее активное общество, что это революция, что это ее шум. Есть они в этих новых ритмах, в этом новом барабанном бое.

Снижение ритмы. Говорят: что же это, какая у него рифма? Это просто курьез, он два слова противопоставляет одному, производит над словом фантастическое какое-то насилие — в этом слишком много нелепостей.

Ну, конечно, как говорил сам Маяковский, «розы, угрозы и слезы» гораздо меньше вызывают паники, чем рифма Маяковского. Но Маяковскому рифма нужна была для того, чтобы сделать свой стих запоминаемым. Это ведь известная мнемоническая форма. Чтобы сделать стих запоминаемым, важна не только рифма вообще, а новая рифма, не такая, которая делает вас старше, чем вы есть, — вы и так несколько веков проглотили и носите в себе, — а такая, которая вас дополняет, действительно новая переключка слов, настолько оригинальная, вызывающая удивление, что она тем самым запоминается. У Маяковского каждая часть стихотворения есть, в сущности говоря,

афоризм, изречение, которое нужно помнить. И он сам помнил почти все свои стихи. Валерий Брюсов как-то сказал мне: «Поэт, который забыл свои стихи, либо плохой поэт, либо написал плохие стихи. Хорошие стихи хороший поэт помнит все». Я думаю, что Брюсов был в значительной мере прав. Маяковский помнил свои стихи.

Говорят, что Маяковский в поэзии все снижает, снижает и снижает, а между тем поэзия Маяковского изысканная.

Но в каком смысле «изысканная»? Вот в словах бывает изысканность, если брюки сшиты у самого модного портного, т. е. как раз comme il faut. А между тем изысканность и comme il faut — это противопоставление. Comme il faut — это так, как нужно, как другие признают, а изысканность — это высказанное по-новому, найденное индивидуально, пионерски, на новом пути. Прочтите, что сам Маяковский говорит о том, как он писал стихи: Он помнит, где он нашел каждую рифму: «Ехал у Арбатских ворот и припомнил эту рифму: над ней 7—8 дней сидел, думал, как сказать это несложными словами». Маяковский был настоящим работником, не импровизатором, а напряженным, добросовестным искателем. И, действительно, у него нет пустых, белых строк... Каждая строка ценится на вес золота, потому что каждая найдена, каждая творчески создана.

Мы ИМЕЕМ право сказать, что приход Маяковского к революции был в высшей степени органическим приходом, в высшей степени знаменательным приходом. Успехи, которые появились в результате прихода к нам Маяковского, были для нас в высшей степени важны.